

Царь и танцовщица

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
Л. Явостенко

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Царь Агнимитра.

Правитель.

Шут.

Первый учитель танцев.

Второй учитель танцев.

Глашатай, объявляющий время.

Гонец из армии.

Царица Дхарини.

Иравати, младшая жена царя.

Отшельница.

Малáвика, танцовщица

Служанка царицы, подруга Малавики } на службе

Служанка Иравати. } у царицы.

Первая пленница.

Вторая пленница.

Директор театра.

Актер.

Музыканты.

Свита.

Место действия — сады царя Агнимитры на берегах реки Видиши; время — около 600 года.

Место действия на протяжении всей пьесы одно и то же: тропический лес во всем весеннем великолепии — пышная растительность, ослепительное солнце. На переднем плане справа терраса, ведущая к царскому дворцу; слева беседка, украшенная большой фреской, на которой изображены царь, его жены и придворные; к беседке ведут несколько ступеней; в центре огромная, еще не расцветшая ашока, * под нею скамейка. На заднем плане протекающая в глубине сада река Видиша и мост через нее. Справа и слева, позади дворцовой террасы и беседки, садовые дорожки.

ПРОЛОГ

А к т е р (*выступая из-за занавеса*).

О Шива, * ты единый, всемогущий
Владыка всех сокровищ, сам прикрытый
Звериной шкурою; о повелитель
Всех, кто покаялся; ты преисполнен
Глубокого смирения; ты слился
В едином теле со своей супругой;
Вселенной ты ядро и вседержитель,
Свободный от гордыни безрассудной, —
Будь милостив: развеи в смятенных душах
Тьму непроглядную и дай увидеть
Тропу к познанию извечных истин.

Д и р е к т о р т е а т р а (*выходит на авансцену*).

Прерви молитву! Публика желает,
Чтоб мы сыграли пьесу Калидасы
«Царь и танцовщица». Что ж ты молчишь?

А к т е р.

Директор! Властелин! Да ты безумец!
Ну кто играет автора живого!
Ведь есть же классики: есть Кавипутра!
Есть Бхаса! * Их играй! Но не касайся
Живого Калидасы.

Д и р е к т о р.

Нет, неверно
Ты рассудил. Отнюдь не все прекрасно,
Что стало классикой, и далеко не все
То плохо, что написано сегодня.

Мудрец сам видит, взвешивает, судит.
Одним глупцам нужны авторитеты.

А к т е р.

Увидишь, публика...

Д и р е к т о р.

Ее суду

(с глубоким поклоном к зрителям)

Я предаюсь и — кланяюсь покорно!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Слева появляется служанка Иравати; любуясь сверкающим на солнце кольцом, она медленно идет по направлению ко дворцу.

Служанка царицы (*выходя ей навстречу*).

О чем ты так задумалась, подруга?

Проходишь и меня не замечаешь!

Служанка Иравати.

Ах, это ты! Прости меня. Вот видишь:

Царицын перстень! Чудо красоты!

Она его Иравати давала,

И я теперь несу его обратно.

Змеинный перстень! Дремлют чары в нем.

Он и меня заморозил. А ты

Куда идешь, скажи мне, дорогая?

Служанка царицы.

Учитель танцев нужен мне. Царица

Желает знать, добилась ли успехов

Малавика, с которой, как ты знаешь,

Я очень подружилась.

Служанка Иравати (*нетерпеливо, горя любопытством*).

Но скажи мне,

Неужто царь Малавику увидел?

Я уж наслышалась тут кривотолков:

Царица-де затем ее послала

Учиться танцам, чтобы скрыть ее

От жадных глаз царя.

Служанка царицы (*улыбаясь*).

Но он ее

Не видел вовсе, видел лишь портрет.

Служанка Иравати.

Да ну? Как вышло то?

Служанка царицы.

На днях царица

Разглядывала новый свой портрет,
Где возлежит она на пышном ложе,
А вокруг нее стоят ее служанки.
Тут царь вошел, и он залюбовался
Картиною и всех нас там увидел:
И Джаясену, и меня, и прочих,
Ну и Малавику, мою подружку.

Служанка Иравати.

А дальше?

Служанка царицы.

Дальше он спросил: «Скажи мне,
Кто здесь изображен с тобою рядом?
Девицы этой раньше я не видел».

Служанка Иравати.

Вот и моя все жалуется тоже:
Чуть девушку увидит покрасивей,
Так и вопьется жадными глазами.
Да, он такой... Ну, дальше! Как царица?

Служанка царицы.

Ответа не дала. Хотел как будто
Спросить еще раз царь, да оробел.
Зато княжна-невестка тут как тут:
«Вот эта, царь? Малавика, плясунья!» —
И засмеялась, милая плутовка!

Служанка Иравати.

А что потом?

Служанка царицы.

Да ничего. Но прячут
Малавику, конечно, от него...
Гляди, идет учитель!

Служанка Иравати.

Что ж, тем лучше:
Спроси его, а я пойду к царице.
(Уходит во дворец.)

Слева, из глубины сада выходит первый учитель танцев.
худощавый, но осанистый мужчина.

Служанка царицы.

Привет, о господин!

Учитель танцев.

Привет, малютка!

Служанка царицы.

Спросить тебя велела мне царица,

Не слишком много ль у тебя хлопот

С Малавикой?

Учитель танцев.

О нет, как раз напротив:

Я не видал еще такой разумной

И ловкой ученицы. Все, что я

Показываю ей, она так четко,

Изящно повторяет, что я сам

У ней учусь!

Служанка царицы (*в сторону*).

Иривати бедняжка!

Теперь тебя затмит во всех искусствах

Моя подруга!

Учитель танцев.

Где взяла царица

Столь нежную, прелестную рабыню?

Служанка царицы.

Царице брат родной прислал ее

Как украшение для придворных празднеств.

Малавику я много раз просила

Поведать о своем происхождении.

Ведь я дружу с ней. Но она молчит.

Учитель танцев (*в сторону*).

В ней столько грации и благородства!

Она, наверно, не простой семьи.

(Громко.)

Малавика мне славу принесет.

Искусство мастера, открывшего талант,

Обогащается, как дождевая капля,

Что, в раковину с неба упавая,

Становится жемчужиной.

Служанка царицы.

Пойду

И передам царице эту весть.

(Кланяется учителю танцев и уходит во дворец.)

Учитель танцев проходит направо мимо террасы и скрывается в глубине сада. Из дворца выходят царь Агнимитра и правитель. У правителя в руках письмо.

Царь.

И как ответил государь Видарбы?

Правитель.

Так, что он сам обрек себя на гибель.

Царь.

А именно?

Правитель.

Он пишет, что во время

Последней стычки якобы пропала

Княжна. Ее он приказал найти

И предлагает нам пока отдать

Царевича плененного в обмен

На зятя, что у нас в цепях томится.

Царь.

Безумец! Он условия мне ставит!

И сделку предлагает! Издавна

Он ненавистен мне. Так пусть же ныне

Исполнится задуманное мною.

Отдай приказ войскам: пусть перейдут

Границу и займут его владенья.

Война! Война властителю Видарбы!

Правитель.

Да будет так, как ты сказал. Война,

Война властителю Видарбы!

(Уходит во дворец.)

Крики за сценой: «Война! Война властителю Видарбы!»

Шут *(выходя из дворца)*. Что за несносные бессмысленные крики: «Война! Война!» Из-за какой-то пустяковой войны поднимать такие истошные вопли! К чему это?

Царь *(усаживаясь на скамью под ашокой)*.

Вот и другой правитель мой идет.

Его услуги мне куда приятней!

Шут. Расти, дорогой господин! Процветай, дорогой господин! Будь велик и могуществен, и высок, и грозен, и победоносен, дорогой господин!

Царь.

Спасибо, добрый шут! Садись. Что скажешь?

Шут. Ты помнишь, что ты мне сказал? «Мой милый шут, — сказал ты, — мой любезный друг, — сказал ты, — подумай, нет ли способа увидеть Малавику не на картине, а живую — во плоти!»

Царь.

Что ж око мудрости твоей узрело?

Придумал планчик ты?

Шут. Планчик? Целый план! Надежный, зрелый, великодержавный план. Задумал, обдумал и продумал. Да, мудрый царь! Мудрец без дурака — это глаз в темноте без лампы.

За сценой возбужденные голоса двух учителей танцев.

Первый учитель танцев. Кто? Я?

Второй учитель танцев. Не ты, а я!

Первый учитель танцев. Ты — лучший? Ты?

Второй учитель танцев. Да, я!

Первый учитель танцев. Кто это сказал?

Второй учитель танцев. Шут.

Первый учитель танцев. Шут? Подумаешь!

Второй учитель танцев. Его устами сам царь говорит!

Шут (торжествующе). Ага! Ты слышишь?

Царь.

Я вижу, у меня шут не один,

Их три теперь!

Шут. Обожди.

Оба снова слушают.

Первый учитель танцев. Спесивый обжора!

Второй учитель танцев. Сухая жердь! Недокормыш!

Первый учитель танцев. Где тебе танцевать — хрому и с одышкой!

Второй учитель танцев. А ты что за танцор? Кривая палка.

Первый учитель танцев. Бездарь!
Второй учитель танцев. Болван!
Первый учитель танцев. Самохвал!
Второй учитель танцев. Пустобрех!
Голос правителя (за сценой). Эй, тише! В чем
там дело?

Царь.

Что это? Цвет на древе мудрых планов?

Шут.

Не раздави его тяжелой дланью, —

Он принесет сладчайшие плоды.

(Оба учителя танцев за сценой: «К царю! К царю! Пусть он решит
наш спор!»)

Правитель (выходя на сцену).

Победоносен будь, о повелитель!

Танцовщики тебя увидеть жаждут.

Они ревнуют бешено друг к другу,

Ругаются и спорят — воплощенье

Живых страстей!

Царь (нерешительно).

Но я-то здесь причем?

Шут (тихо царю, в отчаянии от его недогадливости).

Ты так растопчешь лучший мой цветок!

Ведь это же единственное средство

Танцовщицу увидеть!

Царь (правителю).

Что ж, зови!

Шут (шумно выражая свой восторг).

Уж ты-то их рассудишь, мудрый царь!

Правитель уходит.

Царь.

Хотелось бы мне знать, что ты затеял.

Правитель вводит обоих учителей танцев: первого —
тощего и длинного, но медлительно-важного, и второго — толстень-
кого, страдающего одышкой, но весьма подвижного; оба они дер-
жатся в почтительном отдалении от царя.

Правитель.

Вот царь. Ему свой изложите спор.

Второй учитель танцев (*простираясь на земле; нараспев*).

Как подойти к величию такому!
Хоть озарен я милостью его,
Трепещет сердце, ибо, словно море,
Изменчивое в вечном постоянстве,
И милость и величие царя,
Хоть неизменны, но вседневно новы.

Первый учитель танцев (*ядовито*). Жалкий лепет! Разве так нужно воздавать дань уважения столь славному царю? Оскорбление — вот что это такое! Наглое поношение! (*В свою очередь простирается на земле и декламирует.*)

Здесь солнце воплотилось в человека!
Слуга мне указал предстать пред ним,
Правитель повелел мне говорить,
Но слепнет глаз мой от его сиянья,
Язык немеет пред его величием!

(*Торжествующе.*) Вот это я зову поэзией! (*Корчит своему коллеге рожу; вполголоса.*) Хе!

Второй учитель танцев (*тоже корчит рожу; вполголоса*). Хо!

Первый учитель танцев (*так же*). Неуч!

Второй учитель танцев. Заика!

Первый учитель танцев. Косноязычный дурень!

Второй учитель танцев. Сухая жердь!

Правитель. Умерьте пыл! Царь ждет вас. Подойдите.

Оба учителя танцев вскакивают, подходят ближе и вновь простираются на земле.

Первый учитель танцев. Привет тебе, царь, великих побед тебе, царь!

Второй учитель танцев. О, слава тебе и счастье!

Первый учитель танцев. Победа!

Второй учитель танцев. Торжество!

Первый учитель танцев. Сиянье!

Второй учитель танцев. Солнце!

Царь (*сухо*).

Благодарю. Чего же вы хотите?

Шут (*величественно*).

Чего желаете?

Первый учитель танцев.

О государь, у лучших мастеров
Учился я и овладел искусством.
Явив мне благосклонность, ты сказал,
Что я учу неплохо. И царица
Взяла меня на службу. А теперь
Приходит этот увалень и неуч, —
Столь мерзок он, что даже недостоем
Поносных слов, — невежда, лжеучитель,
Князь хвастунов, глашатай всех глупцов,
Надутый, дерзкий, потерявший совесть
И обнаглевший оттого, что ты
Из жалости его не оттолкнул, —
И смеет говорить при всем дворе, —
Как у него язык-то не отнялся! —
Что я, — я, государь, не стою праха,
Который топчет он!

Второй учитель танцев (*возбужденно и торжественно*).

Он начал сам,
Великий царь! Ведь сам он начал спорить!
Хвалился, а меня хулил и хаял,
И говорил, что у него со мною
Не больше сходства, чем у океана
С презренной лужей!

Первый учитель танцев.

Он сказал, что шут

Ругал меня и будто ты, о царь,
Назвал меня обманщиком в искусстве.

Царь (*с удивлением*).

Не говорил я ничего такого.

Шут (*царю тихо, но настойчиво*).

Да замолчи же, придержи язык.
Ты с неуклюжестью своей слоновьей
Тончайшую сметешь мне паутину!

Первый учитель танцев.

Теперь мы просим: рассуди, реши,
Чье мастерство, чьи танцы совершенней.

Шут (*громко*). Отлично! Превосходно! Замечательно! Да, государь, решать здесь должен ты! В таком сомнительном искусстве, каким несомненно являются танцы, лишь несомненная мудрость царя может, не усомнившись, вынести решение, стоящее выше всяких сомнений! (*Царю, вполголоса, поспешно.*) Говори «да». На все говори: «да, да, да!»

Царь (*вполголоса шуту*). Не знаю, для чего ты навязываешь мне этих двух тщеславных и завистливых шутков. Право, с меня довольно и тебя одного. (*Громко, после некоторого колебания.*) Ну что ж, пусть будет так!

Шут (*важно*). Любезные наставники! Мой государь и я милостиво соблагОВОЛИМ удовлетворить вашу просьбу. Мы решим с присущей нам мудростью и пронциательностью, где настоящее искусство и где один обман.

Первый учитель танцев.

Благодарю тебя всем сердцем, царь!

Второй учитель танцев (*вполголоса, злобно скосив глаза*).

Вот благодарность мне за все! Обидно!

(*Царю.*)

От счастья закружилась голова!

Царь.

Постойте!

(*Второму учителю танцев.*)

Ты на службе у меня.

(*Первому учителю танцев.*)

А ты царице служишь.

(*Второму учителю танцев.*)

Если я

Тебя сочту сильнейшим, то царица
Решит, что я пристрастен. Пусть она
Сама придет сюда на состязанье.

(*Правителю.*)

Иди и сообщи ей обо всем.

Правитель (*кланяется и собирается идти*).

Ты приказал, о царь!

Шут (*кричит*).

Нет, стойте, стойте!

(*Вполголоса царю; ломая руки.*) Увы, увy, увy! О мудрый пластитель и безрассудный друг! Ну, что ты опять натворил! Почему твоя проклятая мудрость вечно должна путаться под ногами у моей благословенной глупости! Кроме шуток: пусть ты и мудрый государь, когда сидишь на троне и правишь, но как только ты сходишь с трона, твоя мудрость, несомненно, остается там, и я, твой шут, должен ломать себе голову, как мне стащить ее вниз! Но ничего: постараюсь все исправить. Ты разрешишь мне пригласить на состязанье еще кое-кого?

Царь. Не возражаю.

Шут.

Мой добрый друг, достойнейший правитель!

Отшельницу царь просит пригласить:

Затем что эта старица святая,

Любимая наперсница царицы,

О всех искусствах очень здраво судит!..

Правитель кланяется царю и уходит во дворец. Оба учителя танцев остаются на сцене в почтительном отдалении от царя.

Царь (*шуту*).

Хотел бы я узнать, что ты задумал!

Шут. Терпенье! Терпенье! Кто умеет ждать, тот увидит, как мох растет на голове слона. А пока знай: отшельница на нашей стороне. Она может исправить то, что царица испортит. Но вот идет сама благороднейшая царица, мой высокий друг и все милостивейшая нарушительница всех моих планов.

Из дворца в сопровождении свиты выходят царица и отшельница.

Царица.

Что мыслишь ты о споре их, святая?

Отшельница.

Не бойся за любимца своего.

Он не слабей противника в искусстве.

Царица.

Но царь дарит другого предпочтеньем.

Они подходят к царю,

Отшельница.

Победы желаю, царь!

Царица.

И я, супруг!

Царь.

Добро пожаловать, моя супруга!
Привет тебе, отшельница святая!

Шут. Благодарю, благодарю, царица! И тебя, старая, тоже благодарю.

Все усаживаются.

Царь (отшельнице).

Достопочтенная, будь ты судьейо
Двум спорящим служителям искусства,
Что ревностью друг к другу воспылали.

Отшельница.

Смеешься ты? Кто шлет алмаз в деревню,
Чтоб оценить, когда все знатоки
Живут под боком? Будь судьейо сам.

Царь.

Нет, мы с царицей можем быть пристрастны;
А ты решишь — никто не станет спорить.

Шут (похлопывая отшельницу по плечу).

Ну, старая, довольно же ломаться!
В столь зрелом возрасте и все сужденья
Должны быть зрелы.

Царь (обоим учителям танцев).

Говорите ж оба!

Отшельница.

Коль речь о танцах, разговоры лишни:
Слова не могут заменить искусства.

Шут (восторженно). Очень хорошо! Превосходно!
Замечательно сказано! Лучше некуда! А ну-ка, пусть
Бочка и Бамбук покажут нам что-нибудь! Пусть поста-
раются, потужатся, попыхтят. Награды им даром никто
не даст. Мы хотим что-нибудь увидеть!

Царица (заподозрив что-то неладное и слегка на-
дувшись).

А ты, я вижу, очень рад их ссоре?

Шут (*смиренно и примирительно, низко кланяясь широким*).

О нежная, не осуждай усердые!
Спокойная, не остужай мой пыл!
О кроткая газель, пусть нынче радость
Поет в моей груди! Да, признаюсь:
Мне нравится смотреть, как в ярой злобе
Два бешеных слона вздымают бивни.
Ты, светлая, тиха, как луч луны,
А я горю, как солнце в час полудня.
Уж, видно, так определили боги,
Твой бедный шут бессилен перед ними.

Царь.

Ну, бедный шут, как полагаешь ты?

Шут. Что ж, все мы знаем способности обоих прощеников. Значит, сейчас речь идет о другом, более существенном. Вспомните песенку:

Кто, трудясь упорно, мастерства достиг,
Тот у нас в почете, тот у нас велик.
Но особой славой тех мы наградим,
Кто свое искусство передаст другим.

Царица (*про себя*).

Я так и знала! Вот куда он метил!

Царь (*поняв все и просияв*).

Отлично, шут! Мой преумнейший шут!

Шут. Ибо сказано в святых книгах, песня — не знаю какая, стих такой-то: поелику некто, иже сам он с ними, постольку поскольку и раз все понятно, и так далее, все сводится к одному. Наша святая старица, поседевшая среди почестей и мудрых дел, полагает в точности так же, как мой преславный государь и друг и как моя все-милостивая и кроткая повелительница. Итак, они полагают: поелику некто, и так далее, одним словом и тому подобное, все сводится к одному.

Царица (*сердясь*).

Что, шут, «я полагаю»? Что ты шельма
И плут, — вот что я полагаю, шут!

Шут (*с глубоким поклоном*).

И я так полагаю, о царица!
Как видишь, сводится все к одному.

Царь (*громко*).

Коль верно понял я тебя, мой шут,
Ты предлагаешь так: пусть ученицы
Докажут нам, какой учитель лучше.

Шут.

Ты угадал, мой господин и друг!

Отшельница.

Да, предложение умное.

Царица.

Ну, нет!

Скорее шутовское! Ученица,
Лишенная способностей, не может
Учителя прославить.

Царь (*мягко, вежливо, заранее уверенный в победе*).

Но обычно

Учитель умный выбирает только
Хороших учениц.

Царица.

Так пусть святая

Одна проверит ваших учениц.

Неужто все нужны мы для решения?

Отшельница.

Один ни в чем не может быть судьей.

Царица.

Ты не любезна. Что ж, я не слепая,
Я вижу все и буду начеку.

(*Гневно отворачивается.*)

Шут (*первому учителю танцев, язвительно*). Царица сердится. Кажется, она перестала доверять тебе и твоему искусству. Да, да! Можно быть великим художником и иметь так же мало воспитательского таланта, как червяк — костей! Довольствуйся тем, что имеешь, милейший учитель! Немножко славы? А что такое слава? Разве ее можно потрогать руками? Есть ее или пить? Прикрыть ею наготу? Так стоит ли за нею гнаться? Ты получаешь жалованье. Не слава, а царица платит тебе, кормит тебя и одевает. Богиня искусства дает тебе хлеб насущный, чего же еще ты требуешь от нее, безумец?!

Первый учитель танцев (*взволнованно*).
Ты слышишь, госпожа? Вот как толкуют
Твои благодаянья! Неужели
Допустишь ты, чтоб эта злая язва
Меня честила жалким торгашом?
Так молви же, царица, прикажи мне
Искусство показать.

Царица (*с большим усилием, неохотно*).
Я уступаю.

Введите учениц. Распоряжайтесь.

Первый учитель танцев.
Благодарю тебя от всей души!

Второй учитель танцев.
Кого ж сперва?..

Царь (*быстро*).
Малавику, конечно!

Первый учитель танцев.
Ты приказал, о царь. Мы исполняем.

Оба учителя танцев уходят.

Царица (*вполголоса, горестно*).
Не добр, не ласков ныне мой супруг.
(*Громко, со смесью горечи и смирения, иронии и
печали.*)

Коль ты всегда так ревностен в делах,
За государство можно быть спокойным!

Царь (*после неловкого молчания*).
На ложный путь ведут нас подозренья.
Не я разжег сей спор. Давно известно:
Художники завистливы, ревнивы.

Вдали звучит музыка.

Отшельница.
Чу! Музыка их близость нам вещает.
Литавры бьют неистово, и вторит
Им светлый звон. Пронзительно кричат
Павлины, мнящие, что этот гром
Несет с собою дождь и непогоду.

Царь (*встает, в волнении*).
Она идет! Вставай! Идем навстречу.

Шут (тихо, пытаясь его успокоить).
Спокойствие! Терпенье! Ты же вновь
Разбудишь подозрения царицы.

Царь (вполголоса, но с большой силой).
Спокойствие, терпенье! Я и так
Уже не в силах сдерживать себя!
А звук литавр во мне волнует кровь
И заставляет гулко биться сердце!
(Еле сдерживая ликование.)

Мучительная, сладкая надежда
Вдруг стала явью! И сюда идет
И кланяется мне! Гремят литавры,
И льстивые им подпевают флейты,
И в танце близится моя мечта!

Шут.
Да, да! Но успокойся ж, успокойся!

Царь.
Что там замешкалась она? Наряды
Проклятые! Всегда они мешают!
Да что они в сравненьи с ней самой!
Мой взор сквозь все преграды к ней стремится,
Дверь открывает, поднимает полог,
И манит, и зовет ее сюда.

Шут.
Она близка, очей твоих услада!
Но мухи тоже чувят сладкий мед.
Насыть свой взор, но осторожен будь!

Первый учитель танцев (входит с группой музыкантов).

Малавика споеет вам и станцует
Сармиштху. Это новый танец, в нем
Четыре части, так же как и в песне.
Отверзни благосклонно глаз и ухо
Своей рабыне, славный государь!

Появляется Малавика. Царь восторженно взирает на нее.

Шут (тихонько толкает его в бок).
Ответь же как-нибудь!

Царь (замерев в восторге).

Гляди! Гляди!

Шут (поняв, что от царя ничего не добиться, пожимает плечами, отворачивается от него и величественно обращается к учителю танцев).

Да, нам угодно ухо, глаз и рот
Отверзнуть, даже, если нужно, — нос,
Как просишь ты и как велит приличье, —
В честь ученицы мастера такого!

Царь (зачарованно глядя на танцовщицу).

Как безупречна красота ее!
Удлинены глаза, и лик сияет!
А плечи! А изгиб груди упругой!
А гладкий, стройный стан! Одной рукою
Я мог бы охватить его! Как гнутся
Все пальцы ног ее! Как пышны бедра!
Художник был бессилен передать
То, что богам пригрезилось во сне!

Учитель танцев (Малавике).

Отбрось свою застенчивость, дитя,
И покажи нам все, что ты умеешь!

Малавика (поет и танцует под музыку, подчеркивая значение слов мимикой и жестом; слышна тихая, напевная мелодия народной песни).

Сердце рвется сквозь тьму
Лишь к нему одному.
Не могу боль унять я:
Не сомкнутся объятья
В тишине, при луне!
Не томите, мечтанья,
Не будите страданья —
Не придет он ко мне!

Шут (сочувственно прищелкивая языком).

Тсс! Бедное дитя! Придется мне
Из жалости бедняжку приласкать!

Музыка меняется; ритм ее становится более быстрым и напряженным.

Малавика (продолжает петь).

Мой глаз моргает! Уж не к счастью ль это?
Хвала богам! Да сбудется примета! —
Пусть не смерть и не страданья
Утолят печаль мою.

Пусть исполнятся желанья.
Боги, страстно вас молю!

Учитель танцев.

Смелей, дитя! Не бойся, пой смелее!

Малавика (*декламирует под музыку, глядя прямо в лицо царю*).

Его я вижу! Вот мой господин.
Моей души властитель он один!
Приди, надежда! Сердце укрепи!
А ты, о радость, очи не слепи!

Шут (*вполголоса царю*).

Она от страсти без ума! А песня —
Лишь средство броситься тебе на шею!

Царь (*сдерживая ликование*).

Она и вправду любит! Эта страсть —
Не роль на сцене. Нежная голубка
Пыл сердца излила в своем искусстве!
Все в ней твердит: «Люблю, люблю тебя!»
Ее тоска во мне тоску рождает.

Музыка снова меняется.

Малавика (*декламирует под музыку*).

Кровь, не кипи! Мечты, бегите прочь!
Нет, нет, ничто не может мне помочь!
Хоть вижу я его — он далеко!
Преодолеть препоны нелегко!

(*Снова тихо.*)

Он далеко, и в сердце пустота!
Беги, надежда, и умри, мечта!

(*Поет.*)

Я воле чужой
Должна покоряться,
Должна притворяться
И прятать любовь
К нему одному.

Музыка снова меняется.

Сладкими муками
Скрашу любовь свою,

Песнями, звуками
Его обовью!

(*Ликующе громко.*)

Флейты, звените,
Звучите в зените!
Ласкою, сказкою
Льните к нему!
Ныне и вечно
Сердцем стремлюсь я
К нему одному!

Ц а р ь.

Да будет так! Сегодня и навеки!
Спасибо, флейты, за благую весть!

М а л а в и к а.

Флейты, звените,
Звучите в зените:
Сердцем стремлюсь я
К нему одному!

Музыка умолкает. Малавика замирает на месте, бессильно опустив руки и потупя взор. Пауза.

Ц а р и ц а.

Конец! Теперь танцовщица свободна.
Иди же, мы благодарим тебя!

Малавика низко кланяется и поворачивается, чтобы уйти.

Ш у т.

Ей разреши повременить, царица!
Ведь это же не все — иль ты забыла?

Ц а р ь (*про себя*).

В любом ее порыве — столько чар!
Движенья рук! Дрожит браслет на левой,
Что так легко оперлась на бедро.
Свисает веткой правая рука.
Потуплен робко взор ее, а ножка
Цветок ласкает. О, как строен стан!
Покой ее прелестней даже танца!

Ц а р и ц а (*учителю танцев*).

Задумчив ты. Гнетет тебя, что шут
Твое искусство хает и порочит?

Учитель танцев.

Ему внимает царь, лишь в этом дело.

(Вежливо шуту.)

В чем упрекнешь меня?

Шут.

Сперва спроси

Отшельницу. Мои упреки — после.

Дорогу старости! Она имеет право

На эту честь.

Учитель танцев.

Так говори ж, святая!

Хвали или хули: будь откровенна.

Отшельница.

Все было безупречно. Никогда я

Не видела таких изгибов тела,

Столь четкого и плавного движенья,

Все чувства выражены так правдиво!

И так изысканно построен танец!

Картины страсти шли в изящной смене,

И в каждой был законченный рисунок.

Шут. Ну, прямо как по книге! Мне ни за что не научиться так говорить, проживи я хоть столько, сколько слон, черепаха или сама святая отшельница!

Учитель танцев.

А ты что скажешь, государь?

Царь.

Боюсь,

Что мой слуга тебя не превзойдет.

Учитель танцев *(торжествующе)*.

Теперь я мастер признанный. Успешно

Прошло мое искусство испытанье,

Как золото в огне! О чем еще

(шуту с предупредительной любезностью)

Спросить бы ты хотел?

Шут. О да, как же, любезнейший! Есть у меня один вопрос! Вопрос исключительно значительный и важный. *(Наступая на него.)* Скажи, положено или не положено, — если пьеса поставлена, и притом удачно, то есть поставлена и стоит, — ты меня понимаешь? — так вот, если

она поставлена, то положено, спрашиваю я, или не положено, чтобы брахману, настоящему брахману, как я, положено, спрашиваю я, или не положено, чтобы брахману по этому поводу оказывали почести? То есть дали, как это называется, на чай?

Все смеются.

Учитель танцев (*вежливо*).

Но постановка не была публичной,
Иначе б не преминул я, брахман,
Почтить тебя почтительно, как должно.

Шут (*презрительно*). Вот они, хорошие манеры художников! Нет, я не такой. Воистину! (*Учителю танцев.*) Сейчас я тебе покажу пример, достойный подражания! (*Отшельнице.*) Почтенная старица, ты высказалась превосходно. Позволь почтить тебя, как того требует мое почтение к тебе. (*Снимает с руки царя браслет и хочет передать ей.*)

Царица.

Какая наглость! До чего дошел:
Раздаривать браслеты государя!

(*Учителю танцев, желая удалить Малавику.*)

Танцовщица нам показала все,
Чему научена.

Учитель танцев.

Идем, дитя!
Доволен я! Побед тебе, о царь!

Учитель танцев и Малавика кланяются и уходят.

Шут (*царю, вполголоса*).

Я дольше задержать ее не мог.

Царь.

Она уходит! Но еще я вижу
Ее вдали... Как счастье быстротечно!
Пир сердца моего пришел к концу!

(*Шуту резко и торопливо.*)

Придумай новый путь!

Шут.

Так жить легко;
Так всякий нищий лекарю прикажет:
«Я заболел. Готовь лекарство мне!»

Второй учитель танцев подходит к царю и кланяется.

Учитель танцев.

Теперь, о царь дозвожь и мне представить...

Царь *(про себя)*.

С меня довольно.

(Вслух, вежливо.)

Жду я с нетерпением.

Из дворца выходит глашатай, объявляющий время.

Глашатай.

Побед тебе, о царь великий! Полдень
Настал! Под сенью лотоса фламинго
Прикрыл глаза. С дворцовой голубятни
Уже слетели голуби. Павлины
Кружат у водяного колеса.
Сверкает солнце яркими лучами,
Как ты, о государь, в своем величье!

Шут *(шумно)*. Bravo, bravo! Время полуденное, время обеда! *(Учителю танцев доверительным тоном.)* Послушай, приятель, врачи говорят, что царю вредно нарушать привычный час обеда. Ты меня понимаешь, приятель?

Учитель танцев.

Не надо слов, и так мне все понятно.

Царь *(приветливо)*.

Твою посмотрим ученицу завтра,
Любезный мой.

Учитель танцев.

Ты приказал, о царь!

(Уходит.)

Царица.

Полуденный обряд сверши, властитель!

Шут. А ты, о славная властительница, прошу тебя, скорей, скорей, скорей вели подавать! Что у нас сегодня

на обед? Паштет из кукушек? Жаркое из мяса антилопы?
Полдень! Полдень! Время обеда!

Отшельница.

Побед тебе, о царь!

Царица и отшельница уходят в сопровождении свиты.
Царь и шут остаются одни.

Шут.

Хороший выбор сделал ты: она
Царевна по красе и по искусству.

Царь.

Жестоки боги: поразив меня
Стрелой ее красы, они вдобавок
Стрелу искусством ярким отравили!

(Шуту настойчиво.)

Друг, помоги! Подумай за меня!
Молю: придумай новые пути!

Шут. Ну, ладно, ладно! Только позднее. А пока по-
заботься, чтобы нам, наконец, дали поесть. Голод жжет
меня изнутри сильнее, чем полуденное солнце снаружи!

Царь (настойчиво).

Прошу, не медли! Что-нибудь придумай!

Шут (ворливо).

Вот вся награда мне: одни заботы!
Тебя ведь не насытишь лицемерьем.
Она как тучей скрытая луна,
А ты — как коршун, что кричит и кружит
Над местом жертвоприношенья, полон
И страха и желанья! Болен ты
Тоской сердечной!

Царь (давая себе волю).

Да, я тяжело болен!

И никогда уже не исцелюсь.
Все женщины в гареме мне постыли.
Ее одну я пред собою вижу.
Ее, газель с печальными глазами,
Ее одну люблю я!

Издалека чуть доносится музыка, сопровождавшая песню Малавики.

Шут (*усевшись на балюстраде дворцовой террасы, полунасмешливо, полужалобно напевает*).

Ласкою, сказкою
Льните к нему!
Ныне и вечно
Сердцем стремлюсь я
К нему одному!

(Спрыгивает с балюстрады.)

Друг, пойдём к столу!

Музыка умолкает.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Входят служанка Иравати и служанка царицы.

Служанка Иравати.

Кому ж она победу присудила?

Служанка царицы.

Обоих мастеров она признала

Равно достойными похвал высоких.

Малавику ж, однако, средь танцовщиц

Провозгласила первой.

Служанка Иравати.

Что же царь?

Служанка царицы.

Горит любовью. Но, щадя царицу,

Скрывает страсть.

Служанка Иравати.

Ну, а красotka наша?

Служанка царицы.

Как на морозе куст жасмина — вянет.

(Собирается идти.)

Служанка Иравати.

И я с тобой. Иравати велела

Мне передать царице, что ашока,

Вот это дерево любимое ее,

Не хочет цвести, пока его ствола

Не тронет разукрашенной ногою

Красавица достойная. Дотоль

Не зацветут на нем цветы золотые.

Служанка царицы.

Сама царица горю не поможет:
Она себе ведь ногу повредила.

Служанка Иравати.

Ну да, — упав с качелей.

(Возбужденно.)

Это правда,

Что шут столкнул ее?

Служанка царицы.

Но не нарочно,

Без злого умысла, поверь!

(С иронией.)

Скажи-ка,

А почему твоя-то госпожа
Обряда не свершила? Мне казалось,
Иравати тут первой быть могла!

Служанка Иравати (смущенно).

Она пыталась...

Служанка царицы.

Да? А злое дерево

Не подарило ей своих цветов?

И ты идешь докладывать об этом!

Какая неприятность! Ну, а чем же

Иравати не угодила дереву?

Тем разве, что она из низкой касты?

Иль вспыльчивым и беспокойным нравом?

Служанка Иравати (неохотно, ворчливо).

Не знаю. Да и что мне до того!

Не враг я госпоже своей. Ищите

Причину сами.

Служанка царицы.

А кого ж теперь

Царица, госпожа моя, назначит

Свершить обряд? Кого она сочтет

Достойною? Одну я только знаю.

Служанка Иравати (язвительно).

Танцовщицу Малавику, конечно!

Твою подружку!

Служанка царицы.

А кого ж еще?

Во всем дворце кто лучше всех бы мог
Тоску ашоки утолить своею
Врожденной нежностью и благородством?
Царица — иль она!

Служанка Иравати.

Ну что ж, посмотрим!

Уходят во дворец.

Из глубины сада слева выходят царь и шут.

Царь.

К чему мне тело, если никогда
Ему не млеть в объятиях желанных?
К чему глаза? Им не видать любимой!

Шут (раздраженно).

Опять скулит! Да перестань же! Хватит!
Я повстречал недавно здесь подругу
Малавики. Так вот: она согласна
Быть вестницей любви. Нелегкий труд!
Царица зорко сторожит бедняжку,
Как змей — сокровище! Но все ж удача
Нам не изменит: вестница умна,
А ты еще умней! Так не кручинься,
Приободришь и думай о другом!

Царь.

Стараюсь думать — только безуспешно:
Упорно мысли вновь стремятся к ней
И отвергают все заботы дня.
Тоскливо, сумрачно влачится время...

Шут.

Иравати, любимица твоя,
Цветы тебе прислала — с приглашением
Отпраздновать приход весны и в зале
С ней вместе на качелях поразвлекься.
Ты обещал. И время подошло.

Царь (резко).

Я не пойду!

Шут.

Вот как!

Царь.

Она умна

И сразу догадается, что сердце
Я подарил другой. А без любви
Ей и мое вниманье ни к чему.

Шут.

Нет, так нельзя! И раньше ты влюблялся,
Но жен своих не оставлял без ласки,
Без нежности заботливой своей!
Смотри, как сад цветет, как он прекрасен!
Любая ветвь, колеблемая ветром,
Как будто знак тебе дает и манит:
«К Иравати иди же в зал качелей!»

Царь.

Да, мне весна добра желает... Чу!
Я слышу голос кокилы * влюбленной!
Она меня жалеет. Южный ветер
Рукою, пряной ароматом манго,
Так нежно треплет волосы мои!
Весна в саду — нарядов женских краше!

Шут.

Идем же! Прогуляемся по саду,
Пока она сюда к нам не пришла!

Уходят в глубь сада направо.

Малавика (*появляясь из глубины сада слева*).

Самой себя мне стыдно! Как я смела
Сказать подруге, что люблю царя!
Ах, милый и жестокий бог любви,
Доколе мучить будешь ты меня?
Что нужно мне? Зачем пришла сюда?
Сама не знаю я, чего желаю
И что я делаю! Со мною раньше
Такого не бывало. Ах, как тяжело
На сердце! И как путаются мысли!

(*Размышляя.*)

Зачем я здесь?

(*Вспомнив.*)

Ах, да! Меня прислала

Сюда царица. Я своей ногою
Должна заставить расцвести ашоку.

(Размышляя.)

Но почему же я, а не она?

(Вспомнив.)

Ах, да! Качели! Ведь она ушиблась!
Во всем есть смысл, причина и черед,
Но не во мне и не в моих печалях.
Шут покачал ее и уронил.
Не с умыслом ли? Он ее не любит.
Нехорошо, коль с умыслом... Кого же
Она пришлет, чтоб ногу мне украсить?
Что ж, сяду, буду ждать...

(Усаживается под ашокой; пауза.)

«Коль ублажишь

Ты дерево, — сказала мне царица, —
Коль за пять дней ашока зацветет,
Свое желанье назови, и я
Его исполню...» Нет, мое желанье
Ты не исполнишь, госпожа!

(Напевает мелодию своей песни.)

Ласкою, сказкою
Льните к нему:
Ныне и вечно
Сердцем стремлюсь я
К нему одному.

(Встает.)

Покоя нет. Прими хоть ты, весна,
Мои мечты в свое благое лоно!

(Ходит взад и вперед под деревом.)

Из глубины сада возвращаются царь и шут.

Шут.

Вот средство от любовного похмелья!

Царь.

Как? Что?

Шут.

Малавика идет.

Ц а р ь.

Кто? Кто?

Ш у т.

Куль добродетелей, кувшин настойки
От боли в сердце, сладкий мед в кадучке, —
Малавика, короче!

Оба останавливаются за кустарником, увитым вьющимися расте-
ниями.

Ц а р ь.

Она! Ты прав! Там жизнь моя идет!
Стройна и длиноока! И как плавно
Ступает по аллее! Но иною
Сегодня деву вижу я, чем прежде:
Бледны ланиты, сняты украшения.

Ш у т.

Один недуг обоих вас снедает.

Ц а р ь.

Ты лишь из дружбы это говоришь.

М а л а в и к а (обращаясь к ашоке).

Не мне ли ты в страданьях подражаешь,
Тоскующая о цветах ашока?
Позволь мне боль твою делить с тобою.
(Снова садится под ашокой.)

Ш у т.

Ты слышал? Грусть ее томит.

Ц а р ь.

Да, грусть.

Но грусть о ком? Тоска сейчас повсюду:
Здесь, там, кругом. Весенний ветер, влажный
От полураспустившихся бутонов,
Вливает в души сладостный недуг.
С Малайских островов он веет, с юга,
Неся пыльцы цветочной ароматы,
А с ними—беспричинную тоску!

Ш у т.

А вот и вестница, ее подруга!

Ц а р ь.

Мы здесь с тобой послушаем в укрытье,
И, может быть, развеются сомненья.

Шут.

Иравати нас только б не поймала!

Царь.

Но помнит ли служанка нашу просьбу?

Шут.

Она? Да что ты? Смеет ли рабыня

Такое поручение забыть.

Ведь я-то сам его не позабыл!

Из дворца выходит служанка царицы, неся ларец с благовониями и драгоценными украшениями.

Малавика.

Она идет. Окончен праздник сердца.

Служанка царицы.

Тебе оказано высокое доверье.

Как рада я! Царица и ашока

Тебя на славу отблагодарят!

Дай ножку, милая подруга. Лак

И золотой браслет ее украсят.

(Принимается украшать и умащать благовониями ногу Малавики.)

Слева появляются Иравати и ее служанка. Царь и шут их не замечают.

Иравати *(слегка пьяна)*.

Не правда ли, что будто легкий хмель

Нас, женщин, очень... очень украшает?

Так говорят!..

Служанка Иравати.

Но не было примера.

Лишь ты собою это доказала.

Иравати.

Ты льстишь мне? Вот она стоит, ашока,

В глаза мне тычет голыми ветвями,

Как пальцами сухими. Стыд и срам!

Хочу я знать наверняка, придет ли

Царь в зал качелей? Верить ли тебе?

Служанка Иравати.

Так шут сказал и требовал награды.

И р а в а т и.

Желанье и тоска влекут меня,
Но пьяная нога прилипла к месту!

С л у ж а н к а И р а в а т и.

За веткой манго муравьев я вижу.

И р а в а т и.

Что? Где?

С л у ж а н к а И р а в а т и.

Малавика в тени ашоки!

И р а в а т и.

Танцовщица? В саду?

С л у ж а н к а И р а в а т и.

Ее подруга

Ей ноги украшает. Вон ларец
Царицы. Думается мне, она
Должна ее здесь заменить ашоке.

И р а в а т и.

Но чем Малавика меня милее?

С л у ж а н к а ц а р и ц ы (Малавике).

Так хорошо?

М а л а в и к а.

Гордись своим искусством.

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Горжусь, что эти ножки украшаю.
Ну вот, с одной управилась, подуй,
Чтоб лак скорей подсох. Да, впрочем, это
На свежем воздухе едва ли нужно.

Ц а р ь.

Не предложить ли мне свои услуги?

Ш у т.

Успеешь! У тебя все впереди!

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Как лотос, ты сияешь! Ты достойна
Покоиться в объятиях царя!

Ш у т.

Ну, этого мы все тебе желаем!

И р а в а т и.

Несносна мне служанки этой дерзости!

Малавика.

Нехорошо так смело говорить.

Служанка царицы.

Я говорю лишь то, что я должна.

Малавика.

Меня ты вправду любишь?

Служанка царицы.

Не одна.

Малавика.

А кто ж еще?

Служанка царицы.

Царь! Красоты знаток!

Малавика.

Какая красота во мне? Пустое!

Служанка царицы.

А отчего так бледен он, скажи?

Иравати.

Вот подлая! Как сводничает ловко!

Служанка царицы.

«Любовью проверяется любовь».

Малавика.

Твое ли сердце это говорит?

Служанка царицы.

Из уст моих ты слышишь речь царя!

Малавика.

Мысль о царице гасит все надежды!

Служанка царицы.

Боясь, что манго привлекает пчел,

Не станешь ты цветок носить за ухом?

Малавика (улыбаясь).

Коварная, сама его мне вдень!

Царь.

Да, вестницу отличную нашел ты.

Иравати.

О горе, подтвердилось подозренье!

Шут.

Ну что, охотник сомневаться: счастлив?

Царь.

Уверенность, уверенность нужна мне!
Какое в том блаженство, если я,
Пылая страстью, заключу в объятия
Холодную, бесстрастную подругу?
Счастливец я скорей того сочту,
Кто гибнет от тоски, но твердо знает:
Любимая тоскует с той же силой!

Служанка царицы.

А вот готова и другая ножка:
Звенят браслеты, и сверкает лак!

(Встает.)

Вставай, вставай! Проси ашоку цвель!
Вот ствол ее. Гляди, тебя он ждет.

Малавика (быстро встает).

Кто? Царь?

Служанка царицы.

Нет, дерево! Вот, погляди:
Свисает ветвь. Сорви ее, укрась
Свою прическу!

(Украшает ей волосы веткой ашоки.)

Царь.

Мил мне их обмен:
Ашока ветвь ей отдала за ножку!

Шут.

А ты пока остался ни при чем!

Малавика (изящно приставляет ногу к стволу ашоки).

Исполнишь ли мое желанье, дерево?

Служанка царицы.

Коль не исполнит, не твоя вина:
Ты лучше, чем Иравати.

Иравати.

Ты слышишь?

Они вдвоем глумятся надо мной!

Служанка царицы.

За счастье твоего прикосновенья
Оно заплатит царственным расцветом,
Иль все сочтут его неблагодарным!

Ц а р ь.

Блаженная, счастливая ашока!
К тебе притронулась не ножка девы,
А лотос в звонких золотых браслетах!
Коль ты не вспыхнешь страстью, не ответишь
Цветеньем, ты не стоишь той тоски,
Что сделала тебя давно святыней
Для всех мужчин, измученных любовью!

Ш у т.

Пора! Пошли! Сейчас мы их вспугнем!

Царь и шут выступают из-за кустов.

С л у ж а н к а И р а в а т и.

Сам царь!

И р а в а т и.

Увы! Я этого ждала!

Ш у т. Эге! Что тут за безобразие, я спрашиваю? Как вы смеете пинать любимое дерево царя? Что? — спрашиваю я! Как? — спрашиваю я! Это — благопристойное поведение? Это — благонравное воспитание? Нет! Оскорбление величества — вот что это такое!

Малавика и служанка царицы замирают в страхе.

С л у ж а н к а ц а р и ц ы (*повергаясь ниц*).

Властитель наш! Побед тебе, о царь!

М а л а в и к а (*также падая на колени*).

Победоносен будь, великий царь!

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Прости ее, она не виновата:

Она приказ царицы выполняла.

Ш у т. Ну, коли так, то возможно, что мы, конечно, при известных обстоятельствах и определенных условиях, а также при согласии на то царя и государственного совета, из великого уважения к царице и в виде особого благоволения, поставим милость впереди закона. Как ты полагаешь, друг?

Ц а р ь.

Встань, милая! Не причинил ли боли
Тебе бесчувственный, жестокий ствол,
Когда он прикоснулся к левой ножке,
Изящной, нежной, словно стройный лотос?

И р а в а т и.

Какая тонкость чувств! Какая чуткость!
М а л а в и к а (*встает; смущенно служанке царицы*).

Ах, милая, пойдем скорей к царице
И скажем ей, что выполнен приказ.

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Ты разрешишь ей, царь?

Ц а р ь.

Иди, о радость!

Но я молю: сперва исполни просьбу.

М а л а в и к а.

Приказывай, о государь.

Ц а р ь.

Давно

Не расцветала радость в бедном сердце.

Спаси меня и утоли тоску.

Будь ласкова со мною, как с ашокой,

И осчастливь, красавица, меня!

И р а в а т и (*выходит вместе со служанкой из укрытия*).

Да, сделай это, осчастливь его!

Не знаю, будет ли цвести ашока,

Но он-то уж наверно расцветет!

Ц а р ь (*в великом смятении, шуту*).

Что делать, друг? Как быть мне, подскажи!

Ш у т (*тихо, но настойчиво*).

Бежать, бежать, бежать!

И р а в а т и (*служанке царицы*).

Ты рада, сводня? Помогай ему!

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Напрасно сердисься ты, госпожа!

Мы ль виноваты, что влюбился царь?

М а л а в и к а и с л у ж а н к а кланяются и уходят.

И р а в а т и (*срывает с себя украшения; в отчаянии*).

Прочь, побрякушки! Что мне украшенья,

Коль отдал царь свою любовь рабыне!

(Царю.)

Непостоянный! Ты ли осыпал
Меня словами ласки, чтоб потом
Зазвать сюда, жестоко оскорбитъ
И преданное сердце растоптать?

Шут (*тихо, царю*). Что ж ты стоишь, как истукан?
Скажи хоть слово! Пошевели губами, молви что-нибудь!
Что угодно! Даже вор, попавшийся на взломе дверей, го-
ворит, что он хотел немного поупражняться в слесарном
деле.

Царь (*запинаясь; смущенно*).

Краса моя, с Малавикою я
Шутил, не больше. Я уже ходил
К качелям, но тебя там не нашел.
И только, чтобы время скоротать,
Заговорил с ней.

Иравати.

Время скоротать!

Обычно коротают время так
Влюбленные!

Шут.

Не нужно, госпожа,
Сердиться. Ты же знаешь: государь наш
Любезен, вежлив. Что же тут плохого,
Коль пошутил он с девушкой царицы?
Приветливость — первейший долг царей,
И мы с ним издавна об этом помним.

Царь.

Прости меня, Иравати. Я вдосталь
Уже наказан гневными словами.

Иравати с презрением отворачивается и хочет удалиться; при этом
пояс ее развязывается и падает петлею вокруг ног, мешая ей идти.

Гляди, кушак к ногам твоим ложится
И умоляет гнев сменить на милость.

Иравати.

Он тоже за тебя? Вот вам обоим!

(*Хватает пояс и бьет им царя.*)

Царь.

Да, бей меня, любимая! Тебе
К лицу и гнев и слезы, в равной мере!

Ирвати.

И он еще глумится!

Царь.

Опустила
Лозу? Что ж это было: гнев иль шутка?
(*Падает к ее ногам.*)

Гляди: вот я у ног твоих. Прости!

Ирвати.

Ведь это не Малавики нога,
Что сразу утоляет жажду счастья!
Ногами этими пойду к царице!

(*Уходит со служанкой во дворец.*)

Шут. Тебе везет. Ты такой бестолковый, что если бы боги не прекратили эту сцену, ты затянул бы ее до следующей весны. Эх, рохля! Эх, юнец, юнец! Ну, а теперь прочь отсюда. Беги, пока она не вернулась, как злая звезда, описавшая полную орбиту!

Царь.

Я рад, что я прощенья не добился.
Но прочь уйти! Нет, я останусь здесь,
Где ножка милой дерева коснулась.

Шут. Ну и оставайся! А я удираю. Прощальные слова наилюбезнейшей госпожи мне что-то не очень понравились. Пойду, пронюхаю, какую новую каверзу она нам готовит. Ведь мне же придется тебя выручать. О рохля! О юнец, юнец! И надо же тебе всегда оставлять свою мудрость на троне! (*Убегает.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ц а р ь (один).

Ашока! Милая! Чуть я услышал
Звук голоса ее, любовь, как дерево,
Пустила корни; а когда увидел
Ее глаза, раскинула вдруг ветви
И расцвела, когда руки коснулся!
Коль ты вновь расцветешь, увижу ль я
Плоды на дереве моей любви?

Ш у т (выходит из дворца, огорченно прищелкивая языком). Тсс-тсс-тсс!

Ц а р ь. Что случилось?

Ш у т (вздыхая). Ох-ох-ох!

Ц а р ь. Что с тобой?

Ш у т (плача). Ах-ах-ах!

Ц а р ь. Ты что-нибудь узнал?

Ш у т. Кошка!

Ц а р ь. Что еще за кошка?

Ш у т. Кукушка!

Ц а р ь. Да говори же толком!

Ш у т. Каморка!

Ц а р ь. Кошка, кукушка, каморка, не угодно ли тебе выразиться немного яснее?

Ш у т. Только из жалости к тебе я рассказываю так отрывочно. Вообще-то я отличный рассказчик, сам знаешь. Но от жалости у меня срывается голос. (Трясется от рыданий.) Я же человек мягкий, сам знаешь! Скорбь, стоны, слезы! Тсс-тсс-тсс! Бедная девушка! Бедный друг! Бедный шут! Танцовщица наша прелестная! Певица чудесная! Цветочная корзиночка Камы!* Горшочек благовоний

Маданы! Котелок радости! Очаг вожделения! Кладовая
миловидности! Блюда всех любовных восторгов!

Флейты звените,
Звучите в зените!

Э, да не тут-то было. Отзвенели! Отзвучали! Не будем об
этом думать, друг! Лучше всего забыть и не вспоминать.
Прошу тебя, пойдем обедать. И больше об этом не думай.

Царь (*раздраженно*). Тогда я сам пойду и все узнаю.

Шут. Сейчас скажу!

Царь. Но только в двух словах!

Шут. В двух словах? Это исключено. Это просто не-
возможно. Этого не мог бы сделать ни один из твоих поэтов,
ни даже всеильные боги! Но посмотрим. Постараюсь, как
можно короче. (*Отсчитывает слова по пальцам.*) Иравати — у — царицы — гнев — приказала — Малавику — и...
Нет, нет! Долой «и»! «И» тут лишнее! Начнем сначала.
(*Снова считает по пальцам.*) Иравати — раз; у — два; ца-
рицы — три; гнев — четыре; приказала — пять; Малави-
ку — шесть...

Царь. Что приказала? Говори! Ты сводишь меня
с ума.

Шут (*скороговоркой*). ... с подругой в темницу.

Царь. Малавику в темницу? Быть не может!

Шут. Да, да! Совершенно верно. И всего в десяти
словах. Короче никто бы не рассказал. Уверю тебя, мой
друг и господин, при всем желании нельзя было короче.
Даже если бы ты велел подать мне тридцать супов, сорок два
жарких и семьсот пятьдесят три сладких блюда! (*Обижен-
но.*) В двух словах! Глупо требовать, чтобы такую запутан-
ную историю рассказали короче, чем в десяти словах.

Царь. Малавика в темнице? Так ли это?

Шут. Ты уже спрашивал. Оттого, что ты будешь твер-
дить одно и то же, ничего не изменится. Прошу тебя, не
растравляй свое и мое горе! Пойдем обедать! Это самое
разумное. Сегодня жаркое из кукушки и газелий бок со
свежим манговым салатом.

Царь.

Малавика! Ты, сотканная вся

Из солнечных лучей, сиянья, света!

Неужто ты уйдешь от нас во мрак?

Ты, горлинка, ужель отворковала?
Ты, пчелка милая, нектар собирая
Со всех цветов, не вьешься ты над манго,
Который ярче цвел с твоим прилетом.
Не буря ль загнала тебя в дупло,
Глубокое дупло гнилого дерева?
Малавика! Любимая моя!
Танцовщица моя, о где ты, где ты?!

Шут (*меланхолически болтая ногами*).

Ласкою, сказкою

Льните к нему...

(*Вскакивает.*) Да, песня кончена! Надо идти обедать!
(*С дружеским упреком толкает задумавшегося царя.*) Манго-
вый салат! Газелий бок!

Царь.

Так где она? В какой темнице?

Шут.

В женской.

Тюремщице царица приказала:
«Прелестниц этих выдай лишь тому,
Кто мой змеинный перстень принесет».

Царь. Достань мне перстень!

Шут.

Э! Легко сказать!

«Достань мне перстень»! Что же я — сорвать
Его с руки царицы должен, что ли?

Царь. Перстень!

Шут. Обед!

Царь (*возбужденно*). Перстень!

Шут (*так же возбужденно*). Суп!

Царь (*еще более возбужденно*). Перстень! Перстень!

Шут (*так же*). Жаркое! Сласти!

Царь.

Шут! Милый друг! Да помоги ж! Ты можешь!
Бездушным притворился ты, но знаю,
Что ты со мной мое страданье делишь.
Придумай что-нибудь, достань мне перстень!
Ты — мастер на проделки, милый шут.
А я во мраке: мрак со всех сторон,
И гаснут мысли! Гибну, помоги!

Ш у т.

Чуть брезжит... да... светает вдалеке.
Все ближе... Все светлее... План возник!

Ц а р ь.

Друг!

Ш у т.

Тихо! Тсс! Получится ль еще!

Из дворца выходит правитель с несколькими служанками.

Ц а р ь.

Кто там идет? И что вам нужно здесь?

П р а в и т е л ь.

Побед тебе, о царь! Сюда царица
Со свитой направляется. Несут
Ее сюда, в аллеях насладиться
Весенним воздухом.

Ц а р ь.

Ну, как она?

П р а в и т е л ь.

Немного лучше. Думаю, что скоро
Она сама ходить уж сможет.

Ш у т (потирая руки).

Жалко!

Как жалко мне ее! Ах-ах, как жаль!

И я, я в этом виноват! Ах-ах!

Ц а р ь (тихо, шутя).

Что делать мне?

Ш у т. Поболтай с нею. Держись непринужденно. Не будь рохлей. (Медленно.) И... и если со мной что-нибудь случится, не принимай этого всерьез. (Собирается идти.)

Ц а р ь. Ты меня покидаешь?

Ш у т. Неужели ты не можешь пробыть несколько минут один? (Многозначительно.) Ты слышишь: если со мной что-нибудь случится, не принимай этого всерьез. (Хлопает его по плечу.) Возьми себя в руки! Не гляди так испуганно! Выше голову! А то что это: коленки трясутся! Эх, государь! Юнец, юнец, юнец! Победы тебе, царь! (Убегает в глубь парка.)

Из дворца выносят царицу в паланкине. Ее сопровождают отшельница и несколько женщин из свиты.

Ц а р и ц а.

Поставьте паланкин. Так. Помогите
Подняться. Осторожней! Вон туда:
На ту скамейку под ашокой. Так!

(Лужанки помогают ей дойти до скамьи; царица усаживается.)

Спасибо вам. Святая, продолжай!

О т ш е л ь н и ц а.

Гляди-ка, госпожа! Сам государь!
Побед тебе, о царь!

Ц а р и ц а.

Побед, супруг!

(Пытается подняться.)

Ц а р ь.

Не утруждай из вежливости ногу.
Пусть отдохнет на золотой подушке,
Осиротев без золотых браслетов,
Что нежно так звенели при ходьбе.
Не мучь ее, родная: вместе с нею
Ты сердце мучаешь мое.

Ц а р и ц а.

Сегодня

Властитель Видиши к нам благосклонен!

(С легкой улыбкой.)

Я вижу, мой супруг, охотно время
Проводишь ты под золотой ашокой,
Хоть медлит злое дерево цвести!

Ц а р ь *(слегка смутившись)*.

Краса весны влечет меня сюда.
Но ты скажи, как боли — легче стали?

Ц а р и ц а.

Я лучше чувствую себя, спасибо!
Сандаловой водой благоуханной
Больное место слуги охлаждают.
А мудрость ярких басен, что святая
Передо мною ткет, мне помогает:
Уводит мысль мою от огорчений.

Ш у т *(врываясь на сцену)*. Спаси меня, государь! Помоги! Спаси! Умираю! Меня укусила змея! Я умру от вминого яда! Ай! Ой! *(Рыдает.)*

Царь. Как это случилось?

Шут. Я пошел в сад, — всем вам известно, что я брахман и человек благовоспитанный, — я пошел в сад нарвать цветов для царицы. Ведь она больна, как всем вам известно.

Царица.

Увы! Выходит, я виновна в том,
Что наш брахман идет тропею смерти!

Шут. Я протянул руку, чтобы сорвать несколько бутонов, но за ними таилась смерть. Черная, ядовитая смерть, собственной персоной! Она обратилась в змею и спряталась в древесном дупле. Вот они, укусы: один и другой!

Отшельница. Их надо немедленно вырезать или выжечь.

Шут (*в ужасе*). Нет, только не резать! Только не выжигать!

Мне это не поможет. Застарелым
Укусам нужен заклинатель змей.

Царь. Сейчас же заклинателя сюда!

Шут (*царю: тихо, но резко*). Не вмешивайся и не порти мне все дело! (*Опять принимается рыдать.*) Ой-ой-ой! Такой молодой и уже должен умереть! Ах, будь я таким же стареньким, как наша добрая отшельница, вы бы увидели, что значит спокойно встретить смерть! Вы бы от меня и стога не услышали. Я бы отлетел прочь тихо и кротко, как весенний ветерок! Но сейчас!.. Ой-ой-ой! Нет, мне этого не вынести. Умирать таким молодым!

Царь. Бодрись! Укус мог быть не ядовитым!

Шут (*тихо, но очень резко*). Да помолчи же! (*Громко.*) Будь победоносен, царь! Но этого ты не понимаешь! Смотри, как я дрожу! Как меня трясет! Как я стучу зубами и костями! Вы слышали, чтобы у кого-нибудь так стучали кости?

Царица.

О горе! Это судороги! Что вы
Стоите? Помогите же ему!

Шут (*горестно*). О государь! С юных лет я был твоим близким другом. Я служил тебе честнейшим образом. А теперь, когда мне в цвете сил суждено умереть, позаботься о моей матери, несчастной старушке!

Царь. Бодрись! Хороший врач тебя излечит!

Шут (тихо, но крайне раздраженно). Если ты еще раз увидишь что-нибудь подобное, я тут же встану и выздо-рюю. Но тогда пеняй на себя! (Еще горестнее.)

Царица! Ласковая госпожа!
Всегда я шалопаем был и шельмой,
Прожорливым плутом, лентяем лживым.
Я часто злил тебя, прости ж меня:
Я тешил этим твоего супруга!
Еще недавно ты из-за меня
С качелей сорвалась! Прости за все!
Проказник я, но все же я брахман
И, в сущности, хороший, добрый малый.

И хотел бы высказать все это еще гораздо трогательнее, у меня ведь изумительно нежная душа! Но, когда прямо перед глазами видишь страшную черную смерть, поневоле набиваешь самые красивые слова, которые еще успел бы наскоро сказать. Ай, ой-ой! Опять начинаются судороги! Опять все кости стучат! Заклинатель опоздает. Несите меня навстречу! Скорее! Несите меня ему навстречу!

Царь. Да-да! Несите! И скорей, скорей!

Шут. И верно ведь, государыня, если я и огорчал тебя, всегда виноват был только он, царь! Скажи, разве это не верно? Прости меня, царица, и не поминай лихом!

Царица.

Живи! Живи и здравствуй, добрый шут!

Правитель и несколько человек из свиты уносят шута.

Мне в самом деле жаль его, беднягу!

Царь.

Он добр и предан, только трусоват:
Всегда боится худшего. Надеюсь,
Что врач его излечит.

Правитель (возвращаясь).

Государь,

Просил тебе сказать твой заклинатель,
Что близится конец! Одно лишь средство
Его спасет теперь: змеинный перстень.

Царица.

И, к счастью, я ношу его на пальце.
Бери его, но возврати скорее!

Правитель уходит, унося кольцо.

Отшельница.

Царица милая, гляди: высоко
Взобралось солнце. Здесь уж нет прохлады.
Не лучше ль возвратиться во дворец?

Царица.

Раз ты советуешь, — конечно, лучше.

(Поднимается, чтобы уйти.)

Царь.

Благодарю еще раз я за перстень:
От гибели ты друга мне спасаешь.

Царица.

Так дай мне знать об исцеленье друга.

(Удаляется вместе с отшельницей и свитой.)

Царь (один).

Придумано хитро! А все ж робею
Пред множеством преград, что воздвигают
Завистливые боги мне на горе.
Могу ли я еще питать надежду?

Возвращается шут. Он боязливо озирается, проверяя, нет ли кого-нибудь вблизи.

Ну, говори же!

Шут (сухо). Как видишь, я снова здоров. Слава богам, яд перестал действовать!

Царь. Все сошло удачно?

Шут. Да, несмотря на то, что ты всячески этому мешал. Девушки на свободе. Твое счастье в пути и скоро явится пред твои ясные очи.

Царь (обнимая его).

Мой друг! Мой верный, мой любимый шут!
Как благодарен я! Не только хитрость,
Но и любовь ко мне, — я в том уверен, —
Так обостряют взор твой, что находишь
Ты неприметную тропинку к счастью!

Шут. Да, теперь я твой любимый, верный, твой золотой и алмазный шут! Но придет время, друг, придет время, и я скажу: «Да сопутствует тебе победа, государь, но отныне устраивай свои любовные делишки сам! Любопытно,

почему изо всех людей на свете ты требуешь ума только от шута? Почему ты не идешь к своему канцлеру, к своему правителю, к своим министрам, к своим действительным и главным советникам? Мне надоело натравливать друг на друга учителей танцев, терпеть укусы змей, сбрасывать качелей цариц! И сверх того выносить от всех обиды и брань! Как ты думаешь, — после всего, что произошло, — какой подарок мне даст госпожа Иравати за приглашение в зал качелей? Пинка она мне даст или запустит скорлупой кокоса в мою башку! К тому же мы опять опоздали на обед. Вот так любовная история: ты тоскуешь, а я хуюю!

Царь. Ничего, я еще откормлю тебя на славу. Но шутки, где я ее увижу? Где ты их оставил?

Шут. Я сказал им, что ты, наверное, будешь здесь, у шюки. Они только хотели обождать, пока царица вернется во дворец. Да вот и они!

Царь.

Мы спрячемся! Проверить я хочу,
Не прогнала ль внезапная беда
Ее душевной склонности ко мне!

Оба прячутся за кустарником.

Ирава, из-за террасы, осторожно входят Малавика и служанка царицы.

Малавика (*разочарованно*).

Его здесь нет!

Служанка царицы.

Но ждать недолго будем:

Шут сообщит ему, где нас искать.

(*Показывая на фреску, украшающую беседку.*)

Пока довольствуйся его портретом.

Малавика (*обращаясь к портрету*).

Победоносным будь, великий царь!

(*Служанке.*)

Я до сих пор царя не разглядела,
Мешали мне смущенье и тоска,
И, близкий, становился он далеким.

Портрет — другое дело. Я его

Люблю, пожалуй, больше, чем царя.

Шут. Ты слышишь? У нее хороший вкус!

М а л а в и к а.

А кто здесь та, к которой обратился он
Свой милостивый взгляд?

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Иравати,

Конечно!

М а л а в и к а (*браня портрет*).

Ты невежлив, государь!
Ты остальных совсем не замечаешь,
Одну лишь ищет ласковый твой взгляд.

С л у ж а н к а ц а р и ц ы (*поддразнивая ее*).

Чему ты удивляешься, подруга?
Иравати — жемчужина гарема,
И царь ее не может не любить!

М а л а в и к а.

Злой человек! Напрасны муки, слезы!
(*Надув губки, отворачивается.*)

Останься же с Иравати своей!
Я больше на тебя и не взгляну.

Ц а р ь (*шуту, улыбаясь*).

Скажи, у ней надолго хватит гнева?

Ш у т (*испытующе смотрит на Малавику*). На двенадцать секунд! (*Считает.*) Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать...

М а л а в и к а (*поворачиваясь к портрету*).

А тот, что позади, не шут ли это?

Ш у т (*торжествующе*).

Знаток я сердца женского иль нет?

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Нет, нет! Ведь ты ж сердита на царя!
Зачем прощать так быстро, дорогая!

М а л а в и к а (*неохотно отворачиваясь от фрески*).

А что за человек он, этот шут?

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Увы! Бездельник, пьяница, обжора!

Ш у т. Ох-ох, ох-ох!

С л у ж а н к а ц а р и ц ы.

Охотник до подачек, лгун, нахал,
Развратник и болтун!

Шут.

Ах-ах!

Малавика.

Однако

Царю, как мне казалось, верный друг.

(Хочет снова повернуться к фреске.)

Ну, я уже достаточно сердилась?

Прошу тебя, скажи скорее: да!

Царь и шут выходят из укрития.

Царь.

Лотосоокая! Ах, не сердись

За прегрешенья моего портрета.

Я сам, твой раб, служу тебе одной!

Служанка царицы.

Победоносен будь, великий царь!

Малавика.

Увы, он слышал все, что я сказала!

Царь (восторженно глядя на Малавику).

Нет, я не верю, что она, живая,

Стоит передо мной. Обнять ее?

Она тотчас же ускользнет. Мечта,

Как часто ты обман несла с собою,

Суля мне наслаждение и счастье!..

Скажи, прекрасная, ты опустилась

Картиною, виденьем с неба Индры? *

И стоит мне обнять тебя руками,

Иссохшими от голода любви,

Как ты с улыбкой унесешься ввысь!

Ты слишком хороша, чтоб быть живою!

Служанка царицы.

Ответь царю!

Шут.

Скажи хоть что-нибудь!

Малавика.

Мечтать ты можешь, царь, я ж так бедна,

Что и в мечтах не смею видеть счастье.

Царь.

О длинноокая, клянусь любовью,

Я твой! Твоим рабом хочу я быть!

Шут (с намерением оставить царя наедине с Малавикой).

Служаночка! Гляди-ка: там газель
Обглядывает саженьцы. Пойдем,
Прогоним дерзкую!

Служанка царицы.

Идем! Идем скорей!

Собираются идти.

Царь.

Друг, посмотри, чтоб нам не помешали!

Шут (презрительно-добродушно).

Кому напоминаешь? В кои веки
Измыслил что-то умное — и зря:
Мог и молчать. Побед тебе, о царь!

Служанка царицы.

Я помогу. Я там посторожу.

(Уходит налево, за беседку.)

Шут.

А я вот здесь улягусь на ступеньки.

(Устраивается на ступеньках беседки.)

Да, ложе жесткое! Под стать всей жизни!

(Закрывает глаза и понемногу засыпает.)

Царь.

Малавика, красавица моя!

Отбрось свой стыд, иди ко мне, не медли!

Я буду манго, будь же ты лозой,

Что ствол затосковавший исцеляет

Объятьями своими.

Малавика.

Я б охотно

Твоею стала, но боюсь царицы.

Царь.

Не бойся.

Малавика.

Не бояться? Ты же сам,

Не дрогнувший ни пред одним врагом,

Пред госпожой от страха трепетал.

Царь.

Пламенноустая, то был не страх.
Владыки Видиши всегда блюли
Придворное изящество манер.
Я просто не хотел ее обидеть.
Но лишь тебя, газель моя, люблю я,
И лишь надежда, что меня ты любишь,
Дает мне силы жить! Идем со мною!
Услышь меня, Малавика! Услышь!

(Пытается увлечь ее в беседку, но Малавика противится.)

Как восхитительна, моя плясунья,
Такая неприступность! Трещеца,
Она мешает этим дерзким пальцам,
Которые стремятся развязать
Твой пояс! Робко нежная рука
Грудь защищает! А когда хочу я
Поднять лицо твое для поцелуя,
Стыдливо отстраняется оно,
И страсть во мне с двойной пылает силой!
Сама весна бледнеет пред тобою!
О нежная газель! О цвет весенний!
Малавика, танцовщица моя!

(Увлекает ее в беседку.)

Из дворца выходят Иравати и ее служанка.

Иравати.

На сердце тяжкий груз: без примиренья
Ушла я от супруга и теперь
Готова помириться хоть с портретом.

Служанка Иравати.

Но почему с портретом, а не с ним?

Иравати.

Ах, милая служанка, разве тот,
Живой, из плоти, может больше дать,
Чем мертвая картина? Он рабыню
Любовью одарил... Равно отныне —
Портрету поклоняться иль ему!

Шут громко всхрапывает во сне.

Служанка Иравати (*испуганно*).

Послушай, госпожа! Как страшно что-то
Хрипит, урчит, и хрюкает, и стонет!
Бык на майдане не ревет страшнее!
Гляди, да это шут! Заснул, бедняга.

Иравати.

Мне жаль его, он верно нездоров!
Яд действует еще. Да ты не знаешь?
Его в саду ужалила змея!

(*Озабоченно наклоняется к спящему.*)

Служанка Иравати.

Но цвет лица совсем как у здоровых!

Шут (*во сне*).

Малавика, прелестная плясунья!
Тебе по праву сердце отдал царь!

Служанка Иравати (*возмущенно*).

Ты слышишь? Дерзкий негодяй! Надеюсь,
Не станешь больше ты его жалеть!

Иравати (*гневно*).

Откармливай такого, набивай
Живот ему бананами, сладостями,
А он в ответ Малавикою бредит!

Шут (*во сне*).

Ах, милая Малавика! Скорей бы
Из сердца друга моего изгнала
Иравати, сварливую крикунью!

Иравати.

Ну, это слишком!

Служанка Иравати.

Ах ты, плут бесстыжий!
Ты змей боишься? Погоди-ка, шельма,
Тебя я угощу змееподобным
Жезлом твоим же!

(*Осторожно снимает у спящего шута жезл, прячется вместе с Иравати за кустами и швыряет оттуда жезлом.*)

Ир ав а т и.

Так ему и надо!

Ш у т (*просыпается; со страшным криком*).

Ай! Змеи! Смерть! Убийство! Змеи! Яд!

Ц а р ь (*выходя из беседки*).

Где змеи, друг? Я защищу тебя.

М а л а в и к а (*выходя следом*).

О милый мой! Будь осторожен, милый!
Любимый мой, останься здесь, со мною!

Ир ав а т и (*про себя*).

Свершилось то, чего я так боялась!

Ш у т.

К чему кричать! Ведь это только палка!
Мстит племя мне змеиное за то,
Что я укусы их изобразил,
Себя слегка шипами оцарапав.

Ир ав а т и (*выходя со служанкой из-за кустов; царю*).

Бесстыдник этакий! Средь бела дня
Встречаешься ты с нею?

(*Малавике.*)

Ты же, шлюха,

Его страстишкам рада потакать!

Ц а р ь.

Не гоже так приветствовать царя,
Мне даже странно слышать эти речи!

Ир ав а т и (*подошедшей служанке царицы*).

Что, сводница, добилась своего?

Ш у т. Я бы на твоём месте этого не потерпел, друг!
Разве так полагается воздавать почести царю? Она уже
раньше обошлась без положенного приветствия. Что она
должна была сказать? «Побед тебе, о царь!» А что она
сказала? «Бесстыдник!» Кто я? Шут, больше ничего! Но
будь я царем, я бы этого не потерпел. (*Вполголоса.*)

На примиренье нет уже надежды,
Поэтому ругай ее, ругай!

Царь.

Разгневалась напрасно ты, супруга.
День праздника никто из наших слуг,
Виновен он иль нет, встречать не должен
В темнице. Потому я приказал
Освободить и этих двух. Они
Пришли сюда меня благодарить.

Ирвати.

Ты их освободил? Велел открыто
Тюремщице их выпустить на волю,
Вразрез с распоряжением царицы?
Не верю, нет! Я вижу все насквозь,
Все ясно мне теперь: укус змеи,
И отравленье, и змеиный перстень!
Зловредный шут! Брахман, лишенный чести!
Наставник сводников! Князь всех лгунов
И архикнязь обмана и предательства!
Царь прихлебателей! Могол великий
Плутов, мошенников и негодяев!

Шут.

Ну, если право я б имел ответить
Как хочется, — но я ведь только шут,
А ты — царя любимая супруга, —
Тебе, коль мог бы, я сказал бы так:
Крикливейшая из всех крикуний,
Ехидна, ядовитая змея,
Мартышка, злобно скалящая зубы, —
По зависти — слониха ты; гора —
По неприязни к людям! И подобна
Ты в спорах Гангу, в ссорах — Гималаям!
Вот так бы я ругался десять дней,
Когда б дано мне было это право.
Ну, а пока я просто пожелаю
Побед тебе, о кроткая царица!

Ирвати.

Супруг мой, как могу я не сердиться,
Когда ты отдаешь своей рабыне
То, что мое по праву? А пришла я
Не ради ссор. Тебя я оскорбила,
Приветствие забыв. Но вот явилась

С портретом помириться... И гляди,
Как ты меня вознаградил за это!
Нет, не сварлива я. И не бранюсь.
Но сердце горем до краев полно!

Царь (*исподтишка шуту*).

Как неприятно! Что сказать, что сделать?

Шут.

Ругайся и бранись! Бранись, ругайся!

Правитель (*торопливо выходя из дворца*).

Мой государь! Большая обезьяна
Смертельно напугала за игрою
Княжну-невестку, и лежит бедняжка
Недвижно на коленях у царицы:
Бледна как смерть, дрожит, и взор застыл.
Идем! Своим приходом успокоишь
Ты нежного пугливого ребенка.

Царь (*со вздохом облегчения*).

Как видишь, милая, спешить я должен.

(*Поспешно уходит с правителем во дворец.*)

Шут.

Хвала тебе, большая обезьяна!
Как жить бы без шутов и обезьян!..
Победоносна будь, о госпожа!

(*Уходит вслед за царем.*)

Ирвати (*бросив гневный взгляд на Малавику*).

К царице я иду!

(*Уходит со своей служанкой.*)

Служанка царицы (*бледная, испуганная*).

Идет к царице!

Малавика.

Она идет к царице. Взор — огонь,
А сердце ранено, и в каждой жилке
Дрожит безмерный, беспредельный гнев.
О боги, не полна ли мера горя,
И не довольно ль я уже страдала?
Какие ныне муки вновь измыслит
Она мне: подземелье, цепи, бич?

Вокруг — сверкает, светится васанта; *
И запах манго наполняет сад.
Пчела, опьянена нектаром, вьется
Вокруг жасмина. Кокила вздыхает.
Лиана жадно обвивает ствол;
Трепещет воздух, напоен тоскою;
Тысячекрылый теплый южный ветер
Ласкает тело, распирает грудь;
Глаза болят — так ярко блещет мир!
А я — чем провинилась, что должна
Уйти во мрак? О аромат жасмина,
Тебя мне больше не впивать! О ветер,
Меня ласкать не будешь больше ты!
За что же гонишь ты меня, васанта,
Из роскоши весенней в черный мрак?

Служанка царицы.

Ах, если бы ашока зацвела!
Царица сдержит слово и, конечно,
Отпустит нас, коль дерево зацветет.

Малавика (*охватывает ствол ашоки и соскальзывает на колени*).

Ашока, без цветов ты, как и я!
Взгляни: я пред тобою на коленях.
Услышь меня и сжался: зацвети!

(Теснее обнимает дерево.)

Весь жар желанья, всю тоску и боль
И все страданья я в тебя вливаю.
Я соком молодым тебя наполню,
И разом вскроются твои бутоны.
Стара ты стала? Юность я отдам.
Иссохла? Слез моих напейся вволю.
О сжался и Малавику услышь!
Услышь танцовщицу, которая одна
Скорбит в день радости, в твой день, васанта!

(Со всей силой страсти.)

Услышь меня, ашока: зацвети!

Ашока внезапно покрывается цветами.

Служанка царицы.

Цветет, цветет! Ашока расцвела!

(Убегает со сцены, продолжая кричать.)

Ашока золотая расцвела!

За сценой откликается множество голосов.

Голоса за сценой:

«Цветет, цветет! Ашока расцвела!

Ашока золотая расцвела!

Привет весне! Привет тебе, васанта!»

Малавика *(ликуя)*.

Ашока расцвела! Привет, весна!

Пусть тонет горе в сладком аромате

Твоих цветов! И вздохи унесет

Поры счастливой благодатный ветер.

Привет, весна! Благодарю, ашока!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Царь с многочисленной свитой, шут, гонец из армии.

Свита.

Да здравствует наш царь, великий царь!

Гонец.

Да здравствует могучий властелин,

Чей меч навис над головой врага!

Пока в садах своих, как бог любви,

Ты наслаждаешься теплом весенним

И пеньем кокилы — твои войска

Бьют полчища врага в песках Варады.

Склоняются деревья под напором

Твоих слонов, грозы победоносной...

Поля Видарбы знали двух героев,

Чьи подвиги поэтами воспеты:

Один — бог Вишну, ты же, царь, — другой.

Похитил он жену там, ты ж низверг

Престол Видарбы!

Свита.

Слава, слава, слава!

Гонец.

Да здравствует могучий властелин,

Чей меч навис над головой врага!

Свита и гонец уходят. Царь и шут остаются наедине.

Царь.

Я о танцовщице с тоскою мыслю.

О войске мыслю также, о победе.

Мне грусть и радость наполняют сердце.
Я — словно лотос, что поник под ливнем.
Что ты узнал?

Шут.

В темнице нет ее,
А больше ничего мне не известно.

Правитель (*выходя из дворца*).

Победоносным будь, о государь!
Велела передать тебе царица,
Что явится сюда — полюбоваться
С тобой цветеньем золотой ашоки.

Царь.

Благодарю. Я буду ждать ее.

Правитель уходит.

Шут.

Надейся, друг, на лучшее.

Царь.

Не смею.

Я слишком, слишком часто был обманут.

Шут (*глядя в сторону дворца*).

Гляди-ка! Вновь царица допустила
Танцовщицу в число своих служанок!

Иходят царица со свитой, отшельница и Малавика;
танцовщица в праздничном убранстве.

Малавика (*про себя*).

Увы, трепещет сердце, словно капля
Росы на лотосе! Что украшенья мне,
Когда полна я страха!

Царица.

Мой супруг,

Победоносен будь!

Царь.

Цвети, царица!

Отшельница.

Побед тебе, о царь!

Царь.

Привет, святая!

Отшельница.

Пусть ныне сбудутся твои желанья!

Царь *(про себя)*.

Обвилось шелковое покрывало
Вокруг нее! Как свод небес мерцает
Ее наряд! Она светла, ясна,
Как мягкая луна весенней ночью!

Отшельница.

Хитра ашока! Дождалась, пока
Весна пошла на спад, — и расцвела:
Теперь любуйтесь золотой красою!

Царица.

Прими, супруг мой, в честь твоей победы,
Как дар мой, это древо золотое.

(Улыбаясь.)

И с молодыми женами своими
Гуляй и отдыхай в его тени!

Царь.

Спасибо, милая! На зов васанты
Ашока не ответила. Однако
Тебя она, за все твои заботы,
Вознаградила чудными цветами!

(Про себя.)

Увы, так близко быть — и так далеко!..

Правитель *(выходя из дворца)*.

Мой государь, среди иной добычи
Двух девушек прислали полководцы,
Красивых и обученных искусствам.
Дорога дальняя их утомила.
Я дал им отдохнуть. Они готовы
Предстать перед тобою, государь!

Царь.

Пойди и приведи сюда обеих!

Правитель уходит и вскоре возвращается, ведя за собою двух
молодых пленниц.

Первая пленница *(второй)*.

Сейчас, когда вхожу я в этот сад,
В груди стихает долгая тревога.

Вторая пленница.

И я вдруг тоже обрела покой:
Полна я светлых, радостных предчувствий!

Прявитель.

Пред вами царь с царицею.

Царь.

Добро

Пожаловать, красавицы мои!

Первая пленница.

Победоносен будь, о государь!

Вторая пленница.

Побед тебе, царица!

Царь.

А каким

Искусствам обучались вы в Видарбе?

Первая пленница.

Мы обучались музыке.

Царь (царице).

Бери

Себе любую.

Царица.

Подойди сюда,

Малавика. Которую из них

Ты предпочтешь, та пусть всегда и будет

Играть, когда ты пляшешь и поешь.

Малавика подходит к пленницам.

Вторая пленница.

О чудеса! Царевна!

Обе (падая на колени).

Госпожа,

Победоносна будь!

Царь.

Да кто же вы,

И кто она?

Первая пленница.

Малавика она!

Вторая пленница.

Царевна наша!

Первая пленница.

Приказал ты сам

Разыскивать ее.

Вторая пленница.

Она сестра
Царевича, которого ты, царь,
Освободить послал свои войска.

Царица.

Она царица? Значит, я сочла
Сандаловое дерево сосною?

Шут. Ха-ха! Вот это новость! От нее сердце у меня скачет, как молодой барашек! Но я знаю одну особу, которой эта новость принесет больше огорчения, чем мне — радости. Победоносен будь, о царь! Но мне надо спешно отлучиться. Мне надо самому сообщить эту новость Иравати. Я должен видеть, до какой степени может человек позеленеть от злости! (Уходит.)

Отшельница.

Что сказанное ими — только правда,
Я подтверждаю свидетельством тройным.

Царица.

Мне б следовало пожурить тебя,
Отшельница: ты знала и молчала.

Отшельница.

Упрек, царица, не имеет силы.
Не без причины я была жестокой.
Когда еще был жив ее отец,
Ей предсказал прохожий богомолец:
«Ты год служанкой будешь, но потом
Достойного супруга обретешь».
Здесь, у тебя, богов решение сбылось.
Я не могла выбалтывать их волю.

Царица (с улыбкой, царю).

Часть предсказанья подтвердилась. Верно,
Действительностью станет и вторая!
Возьми ж ее, супруг мой, и люби!

Царь.

Ты расцвести заставила ашоку,
Малавика, танцовщица, царица!
Любимая, ты ль это? И тебя ли
Держу в объятьях, о венец весны?!

Царица.

Почетное подайте покрывало!

Правитель уходит.

Отшельница (*царице*).

Ты так великодушна и умна,
Что вовремя сама идешь на жертву.
Так и река большая к океану
Несет с собою воду малых рек!

Правитель.

Вот покрывало!

Царица (*свите*).

Славьте все теперь

Жену царя.

Свита.

О, славься, госпожа!

Шут (*возвращаясь*). К счастью, Иравати сразу упала
и обморок. Вот это настоящий счастливый день! Хотя ты
и прожила очень долгую жизнь, почтенная святая, но та-
кого радостного дня и ты, наверно, еще не видала!

Царица.

Чем угодить тебе еще, о царь!

Царь.

Во гневе и прощенье будь всегда
Такою же возвышенной и чистой!
Советами наставь и осчастливь,
И помогай мне править государством,
Двором, семьей и домом, — и тогда
Навеки сгинут беды и тревоги,
И вечная весна здесь воцарится!

Шут (*указывая на отшельницу и на себя*).

У цели мы! Ликуют стар и млад.
Пора обедать — вот чему я рад!

Занавес